

ТУРГЕНЕВ В ДОМЕ ВИАРДО

ВОСПОМИНАНИЯ БАТИСТА ФОРИ

Публикация Н. А. Леонтьевского

В 1917 г., в мартовской книжке парижского журнала «*Mercure de France*» появились воспоминания о Тургеневе. Фамилия автора указана не была; он скрылся под тремя звездочками. Воспоминания эти никогда не переводились на русский язык. Установить имя их автора и получить о нем самые необходимые биографические сведения удалось лишь проф. Андре Мазону, которому мы приносим нашу благодарность.

Автор затерявшихся воспоминаний — генерал Батист Фори (Faurie; 1853—1938). Он познакомился с Тургеневым в гостиной Виардо в 1872 г., по возвращении с театра военных действий франко-прусской войны в чине унтер-офицера 65-го пехотного полка, в который он вступил незадолго до того добровольцем.

Эти воспоминания ценны прежде всего тем, что Фори явился в какой-то степени свидетелем последних десяти лет парижской жизни Тургенева. 19-летний офицер (единственный, как он вспоминает, военный, появлявшийся в гостиной Виардо), человек одаренный, особенно в музыкальной области (позднее Фори играл на флейте), настолько заинтересовал Тургенева, что тот охотно поддерживал с ним дружеские отношения, тем более что Фори стал постоянным посетителем салона Виардо. Тургенев уговорил Фори выучиться русскому языку. Окончив Парижскую школу живых восточных языков, Фори стал переводчиком. Тургенев дарил молодому французу свои книги, не раз приглашал его в Спасское и, главное, давал ему возможность видеть и слушать себя.

Напечатаны эти воспоминания, повторяем, в 1917 г. Но кому они принадлежат? Офицеру (в год кончины Тургенева) или генералу Фори, командовавшему во время войны 1914—1918 годов 4-м военным округом? Дата их написания не указана; но, во всяком случае, предать их гласности Фори захотел, как он пишет, «в момент, когда Россия и Франция сражаются вместе за дело цивилизации» в первой империалистической войне. Его целью было вызвать в памяти «благородный облик одного из самых знаменитых представителей русской литературы». Чин генерала не позволил ему дебютировать в журнале под своей фамилией. Отсюда три звездочки вместо подписи.

Одним из достоинств воспоминаний Фори является созданный им образ Тургенева-рассказчика. Наше доверие к его воспоминаниям вызывает точность большинства изложенных им фактов. Укажем на стихотворение в прозе «Пир у верховного существа». Фори с максимальной верностью передает содержание этого стихотворения, слышанного им от Тургенева, вероятно, вскоре после его написания, в декабре 1878 г.

Можно не разделять взгляд Фори на Тургенева-писателя, которому, по словам мемуариста, «ведостает мощи Толстого или глубины Достоевского», и все герои которого похожи один на другого. Но мы узнали еще одного современника великого русского писателя — «единственного военного» посетителя гостиной Виардо — и в «тургеньевiane» он может занять собственное, хотя и небольшое место.

Воспоминания Фори печатаются по тексту «*Mercure de France*», 1917, № 449, 1 марта (как воспоминания анонимного автора они были вкратце изложены в «Историческом вестнике», 1917, № 5-6, стр. 639—641). В тексте нами опущены (стр. 493) строки о Ренане, не имеющие отношения к Тургеневу.

ВОСПОМИНАНИЯ О ТУРГЕНЕВЕ *

В момент, когда Россия и Франция сражаются вместе за дело цивилизации, я хотел бы на этих страницах возродить благородный облик одного из самых знаменитых представителей русской литературы. Тургенев был истинным другом нашей страны, где он поселился тотчас по окончании войны 1870 года, и где оставался до своей смерти, став, тем самым, на сторону побежденных¹. И я надеюсь, что читатели не без интереса прочтут эти неизданные воспоминания о великом писателе, который сохранил в нашей стране крепкие и верные привязанности и который, оставаясь русским до мозга костей, все же считал Францию своей второй родиной.

В 1872 году гостиная г-жи Виардо была, несомненно, одним из самых интересных музыкальных центров Парижа **. Среди лиц, которых можно было там встретить, необходимо особенно отметить Ивана Тургенева, являвшегося, собственно говоря, членом семьи Виардо в течение тридцати лет. Я хорошо знал Тургенева: он проявлял ко мне большую симпатию, и за десять лет нашего знакомства я виделся с ним очень часто. Мне хотелось бы попытаться охарактеризовать этого обаятельного человека и великого писателя.

Тургенев (Иван Сергеевич) родился в 1818 году в Орле. Его родители были богатые помещики: бонвиван отец, выведенный им в «Первой любви», и взбалмошная мать; у мальчика было невеселое детство, он переходил из рук французских или немецких учителей в руки *фрейлин, мисс и мамзелей*. Жизнь в деревне привила ему любовь к природе, которая всегда была необыкновенно живуча в нем. Пятнадцать лет он был отправлен в Московский университет, а затем — в Петербургский. Это было время безраздельной автократии в России, поэтому он, как только смог, сбежал в Берлин, где прожил три года. После этой первой отлучки, на родине ему стало нечем дышать; с 1847 года он начал ту кочевую жизнь, которую вел до конца жизни, ежегодно возвращаясь в Россию лишь на несколько недель для устройства своих дел. В 1852 году, после издания «Записок охотника», имевших такое большое влияние на освобождение крестьян, у него возникла пагубная мысль вернуться в Россию; там он был арестован и затем выслан в свое поместье Спасское (Орловской губернии), где прожил два года³. Этого предостережения ему было достаточно; с той поры он стал больше и больше проникаться влиянием Запада, начались его скитания по Европе. Ему хотелось, говорил он, видеть людей и события, в особенности людей, и найти на Западе способы преобразовать свое отечество.

Война 1870 года заставила Тургенева покинуть Германию, и он поселился во Франции. Зиму он проводил в Париже, у своих друзей Виардо, в доме № 50 по улице Дуэ, где занимал третий этаж особняка; лето — в Буживале, где Виардо купили великолепную виллу «Les Frênes» («Ясени»). В примыкающем к этой вилле парке Тургенев выстроил себе комфортабельную дачу.

Гостиная Полины Виардо была центром блестящего музыкального общества. Можно сказать, что в Европе не было знаменитого артиста, который не знал бы г-жу Виардо и не посещал бы ее, будучи проездом в Пари-

* Перевод с французского Н. А. Леонтьевского.

** Известно, что г-жа Виардо (Полина Гарсия) была сестрой Малибран². На первый парижский концерт Виардо, в 1838 году, восторженно откликнулся Мюссе³. Она стала женой выдающегося художественного критика Луи Виардо⁴. Ее артистическая карьера была необычайно яркой, она создала «Пророка», Сафо и с огромным успехом воскресила Орфея и Альцеста⁵. Она свободно говорила на шести языках⁶, восхитительно рисовала и сочиняла очаровательную музыку⁷; ученица Листа и Шопена, она изумительно играла на рояле. Это была во всех отношениях гениальная артистка. — *Прим. Фори.*

Mars-Avril 1917 — Tome CXX

MERCURE

DE
FRANCE

(Stic Modern)

PARIS
MERCURE DE FRANCE
N° 449, 150, rue de Valenciennes, Paris

MCMXVII

SOUVENIRS SUR TOURGUENEFF

11

SOUVENIRS SUR TOURGUENEFF

Au moment où la Russie et la France combattent ensemble pour la cause de la civilisation, je voudrais évoquer ici la noble figure de l'un des plus célèbres représentants de la littérature russe. Tourgueneff fut un véritable ami de notre pays, qu'il vint habiter immédiatement après la guerre de 1870, et jusqu'à sa mort, prenant ainsi parti contre les vainqueurs. J'espère donc qu'on lira avec quelque intérêt ces souvenirs inédits sur un grand écrivain qui conserva chez nous de solides et fidèles amitiés et qui, — tout en restant profondément russe, — considéra la France comme sa seconde patrie.

En 1872, le salon de Mme Viardot était certainement le centre musical le plus intéressant de Paris (1). Parmi les personnalités que l'on y rencontrait, il faut citer tout particulièrement Ivan Tourgueneff qui faisait, à proprement parler, partie de la famille depuis trente ans. J'ai beaucoup connu Tourgueneff : il m'a témoigné une grande affection, et pendant les dix années que durèrent nos relations je le vis très fréquemment. Je voudrais essayer de caractériser l'homme, qui était charmant, et l'écrivain, qui fut éminent.

Tourgueneff (Ivan Sergueïevitch) était né en 1818 à Orel. Ses parents étaient de riches propriétaires. Fils d'un père vif, qu'il a dépeint dans *Premier Amour*, et d'une mère fantasque, il eut une enfance triste, passée successivement en

(1) On sait que Mme Viardot (Pauline Viardot) était sœur de La Malibran. Mariée à un grand compositeur, elle fut une des plus célèbres artistes de son époque. Elle fut une des plus grandes cantantes de son époque. Elle fut une des plus grandes cantantes de son époque. Elle fut une des plus grandes cantantes de son époque.

ЖУРНАЛ «MERCURE DE FRANCE» (1917, № 449), ГДЕ НАПЕЧАТАНЫ ВОСПОМИНАНИЯ
БАТИСТА ФОРИ О ТУРГЕНЕВЕ

Титульный лист и страница с началом воспоминаний

же. Почти все музыкальные знаменитости мира прошли у меня там перед глазами.

Познакомился я с Тургеневым в 1872 году; ему исполнилось тогда 54 года, но выглядел он гораздо старше. У него была внешность патриархального старца; длинные седые волосы и совершенно седая борода обрамляли его лицо, окрашенное легким румянцем. Из-под густых бровей на вас мягко смотрели глубоко посаженные ярко-голубые глаза. Во всей его фигуре было что-то львиное. С первого взгляда он внушал почтение, но очень скоро его мягкость и очаровательная простота возвращали вам непринужденность. Все окружающие обожали его.

С того момента, как я был представлен Тургеневу, он выказал ко мне особую приветливость, относившуюся прежде всего к солдату, которым я в то время был. Известно, что он был очень любознателен. Я же только что вернулся тогда с войны 1870 года, где воевал в чине унтер-офицера, и еще находился под впечатлением страшных воспоминаний о событиях, свидетелем которых мне пришлось быть. Он часто наводил разговор на эту тему, а я, со своей стороны, охотно развивал ее и без его поощрений. Он внимательно слушал то, что я рассказывал: очевидно, для такого наблюдателя, как он, впечатления молодого человека, его стремления, его взгляды на будущее — все было интересно. В окружении Виардо я был единственным военным; сам же он очень любил рассуждать на военные темы. Изучив у Тьера все походы Наполеона ⁹, он знал их досконально и часто говорил со мной о них. Таким образом, мы находили общий язык. С другой стороны, ему нравилась моя страсть к музыке, так же как и склонность к изучению живых языков. «Вам следовало бы изучить русский язык», — сказал он мне однажды. И, видя, что я смотрю на него, несколько

испуганный перспективой взяться за изучение языка, считавшегося — и заслуженно — трудным, Тургенев настаивал: «Попробуйте, и вы безусловно справитесь. Наш язык мало известен, но он очень богат; поверьте, вы будете рады узнать его. Не забывайте,— добавил он в заключение,— что изучить новый язык — значит обрести новую душу».

Следуя этим советам, я поступил в Школу живых восточных языков, где преподавателем русского языка был тогда Луи Леже,— «человек, который,— по словам Тургенева,— знал лучше всех не только славянские языки, но и их диалекты»¹⁰. Я стал студентом и по окончании четырехлетнего курса получил аттестат переводчика. Тогда-то Тургенев и подарил мне большинство своих произведений, которые я получил возможность прочитать и оценить в оригинале.

Тургенева обычно представляют себе «исполненным добродушия и юмора, наивности и простоты». Что он был прост и добродушен — в этом не может быть никакого сомнения; но он часто бывал насмешлив, и его истинная благожелательность не была лишена некоторой язвительности. Говорят, в юности он был очень вспыльчив; с возрастом он стал сдержаннее и утверждал, что вот уже много лет, как он ни разу не вспылил. По существу добрый и отзывчивый, он легко открывал каждому свой кошелек. Многие из его соотечественников могли бы это засвидетельствовать! Порой на улице Дуэ русские просители шли непрерывным потоком, и Тургенев редко отказывал им, даже если понимал, что его обманывают.

Благодаря своему высокому положению в мире литературы, Тургенев поддерживал отношения с большей частью крупных французских писателей. Вспоминаю, как он однажды исключительно сурово высказался о Викторе Гюго¹¹. Это было в Англии, в Сикс-Майл-Боттом, около Кембриджа, где мы с ним встретились у общих друзей. Хозяин дома г-н Холл, большой франкофил, в 1870 году основал во Франции лазарет и с такой преданностью заботился о раненых французах, что Тьер наградил его орденом. Именно к нему-то Тургенев приехал охотиться, в то время когда там был и я. После обеда, когда дамы по английскому обычаю удалились, Тургенев услаждал нас своими воспоминаниями. Не помню, каким образом речь зашла о Викторе Гюго, о котором он был очень нелестного мнения. Он осуждал его не только за безрассудное высокомерие (что, пожалуй, вполне понятно), но и за крайнее невежество, за незнание иностранных языков, хотя этот пробел не мешал Гюго выносить безапелляционные и категорические суждения. Когда Гюго в присутствии Тургенева дал ошибочную оценку Гете, Тургенев заметил ему, что произведение, о котором идет речь, написал не Гете, а Шиллер. На это Гюго ответил, что не читал ни того, ни другого, но тем не менее прекрасно знает их обоих. Тургеневу оставалось только развести руками¹².

Среди постоянных гостей Виардо изредка появлялся Флобер, которого Тургенев очень любил, хотя они были как нельзя более непохожи друг на друга: один — сдержанный, мягкий, тонкий, изысканный; другой — простоватого облика, с речью часто грубоватой, с зычным голосом, раздававшимся «из-под его усов галльского воина», как говорил Мопассан¹³. Однажды, во время музыкального вечера, Флобер особенно раздражал меня: играли (я помню это совершенно точно) чудесный квинтет Шумана. Во все время исполнения квинтета Флобер кружил вокруг накрытого стола и потаскивал с тарелочек приготовленное к чаю печенье. В ту пору я был убежден, что люди, не любящие музыки, — бесчувственные люди. Смолоду наши суждения так резки! Для меня это равнодушие Флобера к чудесной музыке доказывало полное отсутствие сердца. Нет нужды добавлять, что жизненный опыт заставил меня изменить это мнение. В самом деле, я встречал людей, лишенных какой-либо чувствительности и в то же время восприимчивых к музыке,— и наоборот. Мое тогдашнее суждение имело прибли-

зительно ту же ценность, что и слова, сказанные кем-то из великих поэтов: «Я без разбора называю канальями всех, кто не любит стихов». Нужно волей-неволей признать, что если Флобер (подобно Гюго, Ламартину, Золя и многим другим литераторам) и не любил музыки¹⁴, он тем не менее остается великим писателем. Именно Флобер организовал знаменитые литературные обеды у Маньи, о которых нам подробно рассказали дневники Гонкуров, обеды, на которых с Флобером и Тургеневым встречались Золя, Гонкуры и Доде¹⁵.

Эта близость Тургенева и Флобера объяснялась, я полагаю, не столько сходством их литературных вкусов, сколько общим культом поэзии, присутствием им обоим отвращением к мещанству и презрением к расчетливости молодых.

Тургенев был также очень близок с Доде. Он часто говорил мне о нем с восхищением. Впервые он прочитал Доде в России и вот при каких обстоятельствах: он остановился на железнодорожной станции, где ему нужно было сделать пересадку. Продащица газет на вокзале, узнав Тургенева, предложила ему томик Доде с портретом автора на обложке, восхитившим ее своей тонкостью и интеллигентностью. Тургенев купил книжку (кажется это был «Малыш») и пришел в восторг. По приезду в Париж он познакомился с Доде у Флобера и затем постоянно встречался с ним на обедах Маньи; позднее он был принят в семье Доде как свой, а во время отъездов писал ему самые сердечные письма.

Поэтому, когда после смерти Тургенева появились мемуары одного из его секретарей, я был немало удивлен, — зная, как он ценил Доде, — недоброжелательностью приписываемых ему отзывов. Доде был очень огорчен ими и горько сетовал на них в конце своей книги «Тридцать лет парижской жизни»¹⁶. Мне трудно верить в существование этих высказываний Тургенева. Как! Принятый в интимный круг семьи Доде, где к нему относились как к другу, он, за спиной, мог поносить Доде, называя его «хитрым южанином, фальшивым добряком, ничтожеством»! Все это противоречит чрезвычайно благожелательным суждениям, которые я сам не раз слышал от него в отношении Доде. По-моему, эти толки (их, впрочем, многие оспаривали) не следовало делать достоянием гласности. Во всяком случае, это недоброжелательство, это двуличие совершенно противоречит всему тому, что известно о характере Тургенева, который скорее был склонен к чрезмерной снисходительности.

Порой я встречал в доме Виардо Ренана, больше дружившего, как мне кажется, с самим Виардо, чем с Тургеневым. На музыкальных вечерах он появлялся редко. Кто бы мог заподозрить при виде этого небрежно одетого толстяка с грязными ногтями, с крупной, склоненной к плечу головой, с небольшими, искрящимися умом глазами, — что видит перед собой одного из крупнейших писателей, которым гордится французская литература? (...)

Однажды, когда Тургенев лежал с приступом подагры, я пошел его навестить; я застал у него Эмиля Ожье, которого знал раньше, нередко встречаясь с ним в Круасси, у его племянника Поля Деруледа¹⁷. Внешностью Ожье, с его широкими плечами и бурбонским носом, был удивительно похож на Франциска I. Беседа его была обворожительна, полна воодушевления, блистала остроумием. В вопросах музыки Ожье не сходиллся с Тургеневым. «Я, — говорил он, — без ума от музыки Оффенбаха. Такая ясность, такая веселость, все такое французское! Мое понимание музыки дальше его не идет».

В тот день, когда я у Тургенева встретил Ожье, он рассказал нам, что у него был спор со скульптором, высекавшим его бюст (кажется, это был Шёневерк¹⁸); художник хотел во что бы то ни стало сохранить в мраморе большую бородавку, которая была у Ожье возле глаза, у самого носа.

«А что мне сходство, — возражал Ожье своим резким голосом, удивительно напоминавшим голос его друга Го¹⁹, — я хочу, чтобы он сделал меня красивее!» И Ожье сыпал самыми тонкими своими остротами в адрес художников, желавших подражать природе вместо того, чтобы ее истолковывать.

«Взгляните, — говорил он нам, — на бюст Ротру в фойе Комеди Франсез. Когда его заказали знаменитому Каффьеру, почти через сто лет после смерти Ротру, тот не располагал никакими данными о Ротру. Что же он сделал? Он встретил на улице великолепного грузчика, договорился с ним, тот ему позировал; и с этой-то модели был высечен бюст, являющийся шедевром. Признайтесь, — прибавил Ожье в виде заключения, — что если Ротру и не был похож на этот бюст, что вполне вероятно, ну что ж! тем хуже для Ротру!»²⁰.

Надо полагать, что Ожье так и не убедил своего скульптора и спора не выиграл, так как пресловутая бородавка существует, и она очень заметна на бюсте, воздвигнутом ему перед Одеоном²¹.

Я говорил о том, что в беседе Тургенев был бесконечно пленителен, хотя и не обладал остроумием Ожье. При крупной атлетической фигуре у него был мягкий голос с легким пришепетыванием. «Тургенев — кроткий великан, — говорил о нем Гонкур, — любезный варвар с седой шевелюрой, ниспадающей на глаза, с глубокой складкой, прорезавшей лоб от одного виска до другого, подобно борозде от плуга; он, с его детской болтовней, с самого начала чарует и, как выражаются русские, *обольщает* нас соединением наивности и лукавства — в этом все обаяние славянской расы, у Тургенева особенно неотразимое благодаря оригинальности его ума и общирности его космополитических познаний»²².

Когда Тургенев что-нибудь рассказывал, он начинал запинаясь, затем речь его мало-помалу крепла, становилась свободной, прояснялась, как после рассеявшегося тумана, и это было просто прелестно. Я горячо сожалею о том, что не сохранил следа всех наших бесед²³. Как-то вечером он рассказал нам в кругу семьи Виардо, что однажды в России он был на охоте, и ему случилось найти приют в заброшенном сарае. Расположившись с самоваром на берегу реки, он подкрепился молоком, хлебом, картофелем, испеченным в золе, а затем забрался по лестнице на огромный стог сена; он рассказал нам об испытанном им тогда упоении: лежа на спине под усеянными звездами небом, он почувствовал, как его охватывает сладкая и таинственная теплота. О, как бы мне хотелось передать ту поэтичность, с какой Тургенев передавал нам такую простую историю! Это было восхитительно²⁴. Другой его рассказ был записан мною тогда же. Вот он в нескольких словах — вы увидите, как очарователен и остроумен его сюжет:

«Однажды у господина бога явилась мысль устроить большой пир на небесах. Все Добродетели были приглашены — явились и большие, и маленькие. Можно представить себе, как очарователен был этот вечер, раз сами ангелы исполняли чудеснейшую музыку. Господь бог был в восторге, видя, как веселятся его гости. Вдруг он заметил в углу две большие Добродетели, которые смотрели друг на друга, как лица совершенно незнакомые. Господь бог сразу понял. Он подошел к этим Добродетелям и, взяв каждую за руку, представил их друг другу: «Благодарность», — назвал он одну; «Благодетельность», — прибавил он о другой. Обе эти большие Добродетели раскланялись, удивленно глядя друг на друга. Впервые с тех пор как мир существует — а существует он давно — встретились Благодарность и Благодетельность; и то для этого потребовалось, чтобы у господина бога явилась мысль созвать их в небесах на большой пир»²⁵. Не очаровательны ли в самом деле эта притча?

У Тургенева никогда не было своей семьи. Сожалел ли он об этом? Не думаю. Я слышал, что у него была внебрачная дочь от крепостной, с ко-

ПОЛИНА ВИАРДО В РОЛИ
ОРФЕЯ

Опера Глюка «Орфей и Эвридика» в «Théâtre Lyrique» (Париж)

Фотография, конец 1850-х—
начало 1860-х годов

Литературный музей, Москва

торой он сблизился в России, но я ее никогда не видел, и ее мало кто знал ²⁶. В сущности, он обрел домашний очаг в семье Виардо, где все — муж, жена, дети — обожали его. Писатель и любитель живописи, Тургенев нашел в своем старом друге Виардо собрата по литературе и тонкого художественного критика; большой любитель музыки, он и мечтать не мог о более интересной среде, поскольку все члены семьи были артистами, и артистами выдающимися.

«В семье Виардо, — писал он, — во мне видят не писателя, а человека... Тут я живу покойно и уютно» ²⁷.

По-видимому, нет сомнений, что он был там счастлив, насколько это возможно. Он жил в комфорте и был окружен всеобщим вниманием. Одно из чудеснейших моих воспоминаний относится к дню, проведенному с ним в «Ясенях». Мы заговорились в гостиной его дома. Мало-помалу спустилась ночь. Тургенев попросил г-жу Виардо сесть за рояль, и она охотно согласилась. Мы сидели в сумерках, а окна, выходящие в огромный парк, залитый ярким лунным светом, были открыты. Не зная устали, великая артистка играла нам ноктюрны, этюды Шопена, а затем дивную «Лунную сонату» Бетховена, — все это исполнялось с прелестной поэтичностью. Мы были поистине очарованы. Незабываемые часы. Можно полагать, что в подобной среде Тургенев не жалел о том, что живет во Франции, хотя изредка и выражал сожаление, что находится вдали от России (так же как Гейне сожалел, что живет вдали от Германии). Во Франции он привлекал

широкую публику своей внешностью богатыря и русским происхождением, а людей просвещенных — своими произведениями и знанием нашего языка, которым он владел безукоризненно; наконец, после 1870 года ему были благодарны за то, что он стал на нашу сторону, тогда как его соотечественники, особенно русское правительство, приветствовали немецкие победы.

Таков был Тургенев: человек тончайшей души, чувствительнейшего сердца, в глубине души меланхолик и вечный мечтатель, а в общем — один из самых пленительных людей, с какими я только встречался.

А теперь мне хотелось бы сказать несколько слов о Тургеневе-писателе.

Да, я возьму на себя эту смелость, я, недостойный, вынесу свое суждение о Тургеневе как о литераторе. По крайней мере, хочу попытаться.

Я уже сказал, что Тургенев побудил меня изучить русский язык, и это позволило мне прочесть в подлиннике часть его произведений: «Вешние воды», «Дым», «Отцы и дети»; некоторые я читал в переводах: «Первую любовь», «Дворянское гнездо», «Записки охотника», «Новь».

Думаю, что знаю приблизительно все, что он написал; поэтому, мне кажется, не будет дерзостью с моей стороны рискнуть высказать о моем великом друге суждение, которое при недостатке компетентности будет, по крайней мере, обладать преимуществом искренности. Что прежде всего поражает в таком великом писателе, как Тургенев, — это простота, подкупающая простота; ни следа аффектации; и это качество присуще всем его сочинениям. С другой стороны, если ему недостает мощи Толстого или глубины Достоевского, он зато обладает совершенно замечательной способностью наблюдения и психологического анализа; конечно, образы его влюбленных девушек и юношей, помещиков и мужиков, интеллигентов и революционеров очень схожи между собой, и, все же, поскольку они созданы большим художником, они никогда не надоедают читателю.

Чтобы судить о Тургеневе, нужно помнить, что большинство его романов имело в своей основе социальную или нравственную идею: через них он хотел проникнуть в душу русских людей. Нет сомнения, что, живя за границей, он мог, казалось бы, писать намного свободней, но для того, чтобы его произведения были допущены и читались в России, ему приходилось прибегать ко всяким предосторожностям. Пример его собратьев принуждал к осмотрительности и не мог служить поощрением — приходится в этом сознаться: Радищев, первый писатель, бичевавший ужасы крепостного права, был сослан в Сибирь; Пушкин — убит; Герцен, Салтыков, Кропоткин — высланы; Достоевский — приговорен к каторге!

Тургенев смолоду тоже узнал тюрьму; он подвергся высылке в свое поместье и был отдан под надзор полиции. Если он не подвергся дальнейшим преследованиям, то только потому, что предпочел жить за границей. В сущности, он никогда не мог примириться с тем, что вынужден оставаться вдали от отечества: это сожаление он мне много раз высказывал, хотя, как мы видели, в семье Виардо он обрел очаг столь же уютный, сколько интересный. Он ежегодно уезжал на несколько недель в свое поместье Спасское в Орловской губернии (он часто звал меня с собой, но, несмотря на мое горячее желание, я не мог осуществить это намерение).

Тургенев-писатель расценивается многими соотечественниками как наиболее тонкий стилист, как первый классик русской прозы, «вместе с Пушкиным, лучше всех знавший возможности и богатства русского языка». Он строит и ведет свое повествование с безукоризненным чувством меры; несколькими штрихами он рисует характер, создает образ. Я убежден, что он оказал большое влияние на Мопассана²⁸. Некоторыми чертами — строгостью, простотой — он напоминает нашего Мерима, но без его суховатости, ибо Тургенев обладает даром чувства и в своем творчестве владеет одновременно и рисунком, и колоритом²⁹.

Есть одна черта, которую он настойчиво подчеркивает в своих романах: это недостаток энергии, безволие. «Ничего» — это одно из тех слов, к которым русский человек чаще всего прибегает. Известно, что Тургенев создал в лице Базарова тип нигилиста («Отцы и дети»). Я достаточно общался с Тургеневым, чтобы иметь право утверждать, что как в политике, так и в религии он был глубоким пессимистом или, лучше сказать, законченным фаталистом. Он это испытал еще в юности. «В Спасском, — писал он, — совсем ребенком, я был свидетелем схватки ужа и жабы, что заставило меня впервые усомниться в благости провидения»³⁰.

Но если все, что писал Тургенев, носит на себе след разочарованного фатализма, то к нему всюду примешивается нежность и сочувствие, придающие его романам большое очарование. Добавим, что он чувствует и описывает природу как настоящий влюбленный. Читая некоторые из его описаний, невольно вспоминаешь Фромантена, чьим обаянием и поэтичностью он обладает³¹. «Я романтик реализма», — говаривал Тургенев³².

В заключение можно, мне кажется, охарактеризовать деятельность Тургенева, сказав, что он нанес крепостному праву решительный удар; кроме того, он во многих отношениях пробудил сознание соотечественников, которых он считал чересчур равнодушными. «Искусство ради искусства» было для него формулой, лишенной смысла. Он писал не только ради творчества, но и для того, чтобы заинтересовать, взволновать, главным же образом, чтобы исправлять; это было его постоянной заботой. Но если он требовал реформ, то хотел, чтобы они проводились разумно. В «Дворян-

АУКЦИОН КАРТИН
В МАГАЗИНЕ «AU BON
MARCHE» В ПАРИЖЕ

Гравюра

«L'Illustration» 6 марта
1875

ском гнезде» блестящий и поверхностный чиновник Паншин жонглирует проблемами, как фокусник своими кольцами. Рецепт его прост: «Подражать Европе, заимствовать ее законы; если же они не подходят народу, он все равно подчинится — это вопрос времени, указов и ежовых рукавиц». На что его соперник Лаврецкий, указывая на опасность новшеств, отвечает: «Мы не должны порывать с национальными традициями; склонимся перед ними, будем уважать их»³³. Без этого акта смирения невозможны смелые действия, направленные даже против лжи. В «Дыме» Литвинов излагает те же мысли, очевидно, принадлежавшие Тургеневу. Было это после Крымской войны, когда общественное мнение настойчиво требовало реформ. Озабоченность этим вопросом встречается в большинстве его романов, и именно потому некоторые из них являются ценным свидетельством эпохи.

Как воспринимали Тургенева во Франции и в России? У нас, в сущности, он никогда не был по-настоящему популярен, да это и понятно: его обаяние частично заключается в его стиле, а оценить это можно лишь читая по-русски³⁴.

Все же в литературных кругах о нем были очень высокого мнения. «Что за человечище, этот скиф!» — писал Флобер Жорж Санд³⁵. Гизо, Мериме, Санд, Тэн восхищались им. Тэн писал о Тургеневе Брандесу: «Можно всех немцев в ступе истолочь, и все равно не добудешь капли его дарования»³⁶.

Короче говоря, во Франции Тургенев был более известен, чем читаем, по крайней мере в широкой публике.

В России его сочинения вызывали сильный отголосок благодаря не только таланту писателя, но и избираемым им темам. Было бы очень сложно — хотя и очень интересно — изучить причины его влияния. Кажется, некоторые русские находили, что хотя Тургенев и наносил крепкие удары, но порой невпопад. Я как иностранец могу только воздержаться от суждения в этом вопросе. Русская душа так сложна! Читая Тургенева, я часто задавался вопросом, каким образом в России такая нищета и такие противоречия могли сочетаться с подобным величием.

В действительности, у Тургенева среди соотечественников было много почитателей, но также и много врагов. Он чувствовал себя в некоторых отношениях непонятым и страдал от этого. Его роман «Отцы и дети» поссорил его и с отцами, и с детьми; его упрекали в том, что он оказал услугу ретроградам. Революционер Герцен был почти единственным, кто защищал его, разъясняя характер нигилиста Базарова³⁷. Русская молодежь упрекала Тургенева в том, что он изображал ее одновременно и дикой, и развращенной. Как бы то ни было, никогда не бывало, чтобы, съездив в Россию, он не вернулся оттуда опечаленным. Даже родной дом больше не привлекал его. Однажды, по его возвращении, я заметил ему, что все мужики, должно быть, рады его видеть каждый раз, когда он приезжает в Спасское. «Надеюсь», — грустно ответил он мне. — Во всяком случае, они этим пользуются, чтобы выуживать из меня деньги до последнего гроша. В предотъездные дни дом мой бывает наводнен калеками, нищими, лентяями со всей округи. Настоящий „двор чудес“»³⁸. Но однажды — это было в 1881 году — Тургенев возвратился очень утешенным: он ездил на открытие памятника Пушкину и стал там предметом бесконечных оваций, особенно со стороны молодежи, с которой долгое время был в ссоре³⁹. Однако почти тотчас же он испытал неприятности, когда открыл в России подписку на памятник, который собирались воздвигнуть Флоберу в Руане. Его упрекали за то, что он не подумал о Гоголе, памятника которому тогда еще не было. Его поносили в газетах, и это очень его огорчало⁴⁰.

Хотя Тургенев выглядел колоссом, здоровье его было слабо. Он был подвержен частым приступам подагры, причинявшим ему тяжкие страдания. Кроме того, с 1880 года у него появились острые боли в спине. «Док-

тора, — говорил он мне, — ничего не понимают в этом». Установили диагноз: грудная жаба. Он все же продолжал работать, когда болезнь давала ему передышку. Именно в эту мучительную пору Тургенев писал со своего смертного одра Толстому, заклиная его не отказываться от литературы⁴¹. Муки его (вызванные раком спинного мозга) стали так невыносимы, что он хотел повеситься или выброситься из окна. Последние месяцы его жизни были сплошной пыткой. 3 сентября 1883 года он, наконец, скончался: ему было 65 лет. Смерть была для него настоящим избавлением. Прах Тургенева был перевезен на Восточный вокзал, где Абу и Ренан от имени Франции и ее писателей произнесли прощальные речи. В Петербурге его похороны были торжественными.

Соотечественники воздвигли ему памятник; я уверен, что если бы его самого спросили, он присоединился бы к мысли Абу, который предлагал установить Тургеневу простую стеллу, увенчанную разорванной цепью, в память участия, которое он принял в деле освобождения крестьян своими сочинениями. «Все, что я хотел бы пожелать для своей могилы, — говорил он, — это чтобы на ней были выгравированы слова о том, что моя книга („Записки охотника“) послужила делу освобождения крестьян»⁴².

Рассказывают, что, освобождая крепостных, Александр II просил передать Тургеневу: «„Записки охотника“ сыграли большую роль в моем решении». Эти слова должны были глубоко тронуть его.

Так, вероятно, оценят и потомки его творчество, его значение и его влияние.

Дорогой Тургенев! Среди тех, кого я встречал на своем пути, никто не оставил по себе воспоминания столь обаятельного и столь глубокого. Вы были одновременно и великим и добрым; ум и сердце были в вас равны. И так как подобное сочетание встречается бесконечно редко, я с волнением, благодарностью и глубоким уважением отдаю дань вашей памяти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Франко-прусская война 1870—1871 гг. застала Тургенева в Баден-Бадене, где он и семья Виардо жили с 1863 г. Переселение из Парижа в Баден-Баден было вызвано их отрицательным отношением к реакционному режиму Наполеона III. Известия о начале войны и о первых крупных успехах немецкой армии Тургенев встретил с нескрываемым сочувствием: «...радуюсь поражению Франции — ибо вместе с нею поражается насмерть наполеоновская империя, существование которой несовместно с развитием свободы в Европе», — писал он 12/24 августа 1870 г. И. П. Борису. Когда же с окончанием войны пала наполеоновская империя и восторжествовала бисмарковская Германия, у Тургенева пробудились его давние симпатии к Франции и французскому народу. 15/27 февраля 1871 г., узнав в Петербурге о предьявленных немцами условиях мира, Тургенев писал П. Виардо: «Бедная Франция! Какой ужасный удар и как оправиться от него? (...)» Здесь все полны сочувствия к Франции, но от этого становится еще горше...» *

² Мари Фелисите Малибран (рожд. Гарсиа; 1808—1836), старшая сестра Полины Виардо, одна из величайших певиц XIX в. Она обладала голосом необычайно широкого диапазона — от низкого контральто до высокого сопрано. Ее громадный драматический талант позволял ей с одинаковым успехом выступать как в романтическом и героическом оперном репертуаре, так и в опере-буфф.

³ Мишель Фернанда Полина Виардо (рожд. Гарсиа; 1821—1910) дебютировала в Париже в конце 1838 г. 1 января 1839 г. Альфред Мюссе писал о ее первом концерте в театре «Ренессанс»: «Она поет, как дышит; хотя всем известно, что ей только семнадцать лет, ее талант столь естествен, что удивляться ему даже и не помышляют. Ее полное выразительности лицо меняется с удивительной быстротой, с чрезвычайной легкостью, не только в соответствии со сценой, но и в соответствии с фразой, которую она исполняет. Одним словом, она обладает главным секретом творчества: прежде чем выразить чувство, она его ощущает. Она прислушивается не к своему голосу,

* Здесь и далее в примечаниях все французские цитаты даются в нашем переводе. — Н. Л.

а к сердцу...» (Alfred de Musset. Concert de Mademoiselle Garcia.— *Mélanges de littérature et de critique*. Nouvelle édition. Paris, 1867, p. 251).

⁴ Полина Гарсиа в 1840 г. вышла замуж за Луи Виардо (1800—1883), в то время директора «Итальянской оперы» в Париже. Впоследствии Виардо стал известен как искусствовед и художественный критик, а также переводчик на французский язык Сервантеса. Он принимал участие в переводах на французский язык произведений Пушкина, Гоголя, Тургенева.

⁵ Полина Виардо в 1849 г. исполнила партию Фидес в опере Мейербера «Пророк» (эту партию — одну из наиболее значительных в опере — композитор написал для Виардо). Прослушав Виардо в «Пророке», Берлиоз назвал ее «одной из величайших артисток в истории музыкального искусства» (H. Berlioz. Théâtre de l'Opéra.— *Journal des débuts politiques et littéraires*, Paris, 20 avril 1849). Парижской постановке «Пророка» и исполнительнице партии Фидес Тургенев посвятил статью, опубликованную в «Отечественных записках», 1850, № 2 (см. Тург. АН. Сочинения, т. V, стр. 347—352). В 1851 г. большим событием в музыкальной жизни Парижа явилось исполнение Полиной Виардо партии Сафо в одноименной опере Гуно (эта партия была написана композитором также для знаменитой артистки).

С 1859 г. Виардо выступала на сцене «Théâtre Lyrique» в центральной партии оперы Глюка «Орфей» («Орфей и Эвридика», 1774). Певица достигла в ней успеха, может быть самого большого в ее артистической жизни. Год спустя Виардо воссоздала еще один глюковский образ — Альцесту, в одноименной опере, впервые представленной в Париже в 1776 г.

⁶ По свидетельствам современников, это были: ставший для Полины Виардо родным французский язык, затем испанский, на котором она часто говорила с детьми, а также английский, немецкий и итальянский. Шестым Фори, несомненно, считал русский язык.

Виардо первая из иностранных гастролеров цела в Петербурге и Москве альябевского «Соловья» по-русски, а затем, начав с Глинки, она исполняла в концертах по-русски романсы Даргомыжского, Верстовского и др. — в России; в 1870—1880-х годах — Чайковского, Кюи, Бородина — в Париже. Ее исполнением арии Гориславы «Любви роскошная звезда...» восхищался А. Г. Рубинштейн, слушавший ее в Баден-Бадене: «Никогда, ни прежде, ни после не слышал я ничего подобного! Она неподражаемо говорила, и каждое слово сохраняло, помимо музыки, значение и силу» («Письма Полины Виардо к русским друзьям и знакомым». — «Советская музыка», 1960, № 8, стр. 98).

Г. А. Лопатин, довольно часто посещавший Тургенева в Париже и Буживале, рассказывал, что «не раз заставлял у него madame Виардо, с которой Тургенев читал по утрам по-русски» (Тург. в восп. рев., стр. 119).

О том же свидетельствует Е. Ардов (Апрелева): Тургенев «много ходил днем по парку, всего чаще один, изредка с г-жой Виардо, с которой он совещался о своей работе и которой читал каждую главу своего романа. Она прекрасно понимала по-русски, отлично выговаривала, когда ей приходилось петь русские музыкальные произведения, но говорить стеснялась» («Русские ведомости», 1904, № 15, 15 января).

⁷ Из рисунков П. Виардо в печати известно немного; назовем здесь один карандашный портрет Тургенева конца 1850-х годов, два рисунка пером, изображающие дом в Куртавнеле (см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, 1964, стр. 438 и 439). В собрании ее внуки, г-жи Апри Больё (Париж), хранится альбом с многочисленными рисунками, карикатурами и набросками П. Виардо (см. об этом в статье М. П. Алексеева «По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции». — «Русская литература», 1963, № 2, стр. 67—68). В воспоминаниях С. И. Ромм («Вестник Европы», 1916, № 12, стр. 132) упоминается портрет Тургенева, написанный П. Виардо после его смерти, но местонахождение этого портрета неизвестно.

Из музыкальных произведений П. Виардо до нас дошли оперетты, написанные на либретто Тургенева (см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 69—224), а также многочисленные романсы на стихи французских, немецких и, главным образом, русских поэтов. Альбомы ее романсов издавались (при ближайшем участии и по инициативе Тургенева) в Петербурге в 1864, 1865, 1868 и 1874 гг.

⁸ Здесь Фори неточен. Из заграничной поездки Тургенев возвратился в июне 1850 г. В 1852 г. за опубликование в «Московских ведомостях» статьи о смерти Гоголя, запрещенной перед тем Петербургским цензурным комитетом, Тургенев 16 апреля был подвергнут месячному заключению «на съезжей 2-й Адмиралтейской части» в Петербурге, а 18 мая — выслан в свое имение Спасское-Лутовиново; 23 ноября 1853 г. он был освобожден от ссылки и получил позволение «выезжать в столицы».

⁹ Имеются в виду следующие исторические труды Адольфа Тьера: «История французской революции с 1789 г. до 18 брюмера» («Histoire de la Révolution française depuis 1789 jusqu'au 18 brumaire», 10 vol. Paris, 1823—1827) и «История консульства и империи во Франции» («Histoire du Consulat et de l'Empire», 21 vol. Paris, 1845—1869).

¹⁰ Луи Леже (1843—1923) — крупный славист, доктор литературы, академик, преподавал русский язык в Школе живых восточных языков Коллаж де Франс. Делегат Франции на торжествах открытия памятников Пушкина (1880) и Гоголя (1909).

В своей книге «La littérature russe. Notices et extraits des principaux auteurs depuis les origines jusqu'à nos jours» (Paris, s. a.) Леже поместил краткий биографический очерк Тургенева и отрывки из «Записок охотника» в переводе на французский язык. См. его воспоминания о Тургеневе: L. Lege. Souvenirs d'un slavophile (1863—1897). Paris, 1905 (гл. V). В сокращенном переводе напечатаны в журн. «Москва», 1965, № 8, стр. 205—208. Леже был также и переводчиком произведений Тургенева: им была переведена статья «Гамлет и Дон-Кихот» («Bibliothèque Universelle». Lausanne, 1879).

¹¹ Об отношениях Тургенева и Гюго см. статью М. П. Алексеева «Виктор Гюго и его русские знакомства» («Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 867—869).

¹² В октябре 1878 г. Тургенев гостил в Англии в Сикс-Майл-Боттом, близ Нью-Маркета, у писательницы Джордж Элиот (псевдоним Мэри Энн Эванс; 1819—1880). Оскар Браун, в будущем биограф Элиот, рассказывал, что когда Гюго указали на то, что драму Шиллера «Валленштейн» он приписал Гете, Гюго воскликнул: «Я никогда не читал строчки этих господ, но знаю их произведения так же хорошо, как будто я их написал сам» («Лит. наследство», т. 31-32, стр. 878).

¹³ Дружба между Тургеневым и Флобером завязалась с первых же дней их знакомства в 1863 г. и длилась почти двадцать лет. Она отражена в их огромной переписке (см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 2, стр. 397 и 410). «Флобер был человеком, которого я любил больше всего на свете, — писал Тургенев Золя из Спасского 23 мая 1880 г. — От нас ушел не только великий талант, но и избранное существо — центр, объединявший всех нас».

¹⁴ А. Доде в своих воспоминаниях утверждает, что живопись «заполонила» всю жизнь французских литераторов. Помимо имен, перечисленных Фори, Доде называет и других ненавистников музыки, как Гюго, Готье, Золя, Эдмон де Гонкур и др. («Иностранная критика о Тургеневе». СПб., 1884, стр. 199—200).

¹⁵ Инициаторами «литературных» обедов в парижском ресторане Маньи в 1862 г. были художник Гаварни и Сент-Бёв; затем к ним примкнули Флобер, Жорж Санд, Золя и др. 28 февраля 1863 г. братья Гонкур отметили в своем дневнике появление на обеде Тургенева, явившегося по приглашению Шарля Эдмона (Хоецкого). Встреченный горячей овацией, Тургенев заговорил о русской литературе, утверждая, что она стоит на широком пути реалистического изучения действительности. Позднее эти литературные собрания назывались «обедами оживленных авторов» и, наконец, «обедами пяти» (Флобер, Тургенев, Золя, Доде, Эдмон Гонкур). После смерти Флобера (1880 г.) эти собрания прекратили свое существование.

¹⁶ Воспоминания Доде появились вначале в нью-йоркском журнале «Century Magazine», в 1880 г. Последняя, с большой любовью написанная, глава носила название «Тургенев». Выпущая в 1888 г. свои воспоминания в Париже отдельной книгой, Доде написал новый эпилог к этой главе: «В то время как я держу корректуру этой статьи, напечатанной несколько лет назад, мне приносят книгу „воспоминаний“, в которой Тургенев беспощадно разносит меня со дня своей гробницы. Как писатель — я ниже всякой критики; как человек — последний из людей. И что моим приятелям хорошо об этом известно, и что они язвительно разглаголюстуют о том! <...> Я вижу его в моем доме, за моим столом, мягкого, сердечного, ласкающего моих детей! Он писал мне отменные, радужные письма. И вот что скрывалось под той доброй улыбкой» (A. Daudet. Trente ans de Paris à travers ma vie et mes livres. Paris, 1888, p. 343). Поводом к этому заявлению Доде послужили воспоминания И. Павловского («Souvenirs sur Tourguéneff par Isaac Pavlovsky». Paris, 1887), отличавшиеся во многих случаях недобросовестным изложением фактов. «„Доде! Какое ничтожество!“ — заметил он (Тургенев), как-то, в присутствии моего друга Поливанова; и поскольку этот последний вскрикнул от удивления, продолжал: „Он всего лишь подражатель Диккенса... А как человек!.. Что за тип, что за тип! Хитрый южанин, притворщик, себе на уме, умеющий устраивать свои делишки. Его друзья знают ему цену и рассказывали мне о нем побасенки“» (стр. 73).

¹⁷ Об Эмиле Ожье см. выше, прим. 24 к воспоминаниям Липгарта.

Поль Дерулед (1846—1914) — поэт, реакционный политический деятель.

¹⁸ Александр Пьер Шёнверк (1820—1885) — немецкий скульптор, работавший во Франции.

¹⁹ Эдмон Франсуа Жюль Го (Got; 1822—1901), актер «Комеди Франсез» с 1845 по 1895 г. Автор книги воспоминаний («Journal de Edmond Got». Paris, 1910).

²⁰ Жан Ротру (1609—1650) — поэт и драматург. Его бюст работы Джакомо Каффиери (1725—1792) находится в фойе «Комеди Франсез».

²¹ Одеон — один из старейших театров Парижа; в настоящее время называется Одеон — Театр Франции.

²² Эдмон и Жюль де Гонкур. Дневник. М., 1964, т. II, стр. 151. Запись 2 марта 1872 г.

²³ Замечательный портрет Тургенева-рассказчика создал Мопассан в своем очерке «Фантастическое»: «... как бы ни было велико мастерство Тургенева, он производил еще большее впечатление, когда, слегка запинаясь, принимался что-нибудь рассказывать своим задушевым голосом. Он сидел глубоко в кресле, слегка приподняв плечи, положив безжизненно застывшие руки на подлокотники и согнув под прямым углом

колени <...> Он пристально смотрел на вас и говорил медленно, подчас подыскивая слова, но всегда находил нужное или, вернее, единственно правильное слово. Все, о чем бы он ни повествовал, поражало своей образностью, хватало за сердце, как хищная птица, вонзающая когти в свою добычу. В его рассказах чувствовалась беспредельная широта, то, что живописцы называют „воздухом“, и огромная глубина мысли, в соединении с кропотливой точностью описания» (Ги де Мопассан. Сочинения, т. II. М., 1958, Иван Тургенев, стр. 182).

²⁴ Подобную историю Тургенев рассказал 27 ноября 1876 г. Эдмону де Гонкур: «На юге России попадаются стога величиной с такой вод дом. На них поднимаешься по лесенке. Мне случилось ночевать на таком стогу. Вы не можете себе представить, какое у нас там небо, синее-синее, густо-синее, все в крупных серебряных звездах. К полуночи поднимается волна тепла, мягкая и торжественная (я передаю подлинные выражения Тургенева) — это упоительно! И вот однажды, лежа так на верхушке стога, глядя в небо и наслаждаясь красотой ночи, я вдруг заметил, что безотчетно повторяю и повторяю вслух: „Одна — две! Одна — две!“» (Эдмон и Жюль де Гонкур. Дневник. М., 1964, т. II, стр. 237).

²⁵ В этой записи Фори отражен, по-видимому, ранний замысел того стихотворения в прозе, которое Тургенев написал в декабре 1878 г. — «Пир у верховного существа».

²⁶ Дочь Тургенева Полина, в замужестве *Брюэр* (1842—1919). Ее мать Авдотья (Евдокия) Ермолаевна Иванова не была крепостной — она работала по вольному найму беловшейкой у В. П. Тургеневой в Спасском-Лутовинове.

²⁷ Источник цитаты не установлен.

²⁸ Источник цитаты не установлен.

²⁹ О взаимоотношениях Тургенева и Мопассана — см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 412—414.

³⁰ О Тургеневе и Мериме см. выше, прим. 4 к воспоминаниям Кларти.

³¹ Источник цитаты не установлен.

³² Эжен *Фромантен* (1820—1876) — живописец-ориенталист, автор пейзажей Сахары и писатель.

³³ Как известно, «романтиком реализма» назван в «Нови» Нежданов (гл. XXXVIII). Содержание этой формулы раскрыто Тургеневым в записи 1870 г. о замысле нового романа (см.: Мазон, стр. 107).

³⁴ Фори излагает (не вполне точно) спор Паншина и Лаврецкого («Дворянское гнездо», гл. XXXIII).

³⁵ Доде также вспоминает, с какой грустью Тургенев говорил ему однажды «о слабом сбыте его книг в Париже», о «неизвестности его имени во Франции» («Иностранная критика о Тургеневе». СПб., 1884, стр. 198). Но этим словам Тургенева противостоят действительные факты, свидетельствующие о широкой известности его в разных странах Европы. В обширной статье М. П. Алексеева «Мировое значение „Записок охотника“ И. С. Тургенева» автор приводит слова Георга Брандеса: «Ни одного из современных русских писателей не читали так много в Европе, как Тургенева» («Записки охотника» И. С. Тургенева. 1852—1952. Орел, 1955, стр. 43—48, 55—85, 113).

³⁶ В письме к Жорж Санд (между 25 и 31 мая 1878 г.), высказывая свое мнение о повести Тургенева «Несчастная», Флобер писал: «Я нахожу эту вещь просто возвышенной. „Скиф“ — настоящий колосс» (Г. Флобер, Сочинения, т. 5. М., 1956, стр. 401).

³⁷ Эта мысль высказана И. Тэнном в письме к Георгу Брандесу от 25 июля 1873 г. (Н. Тэнн. *La vie et correspondance*, t. III. Paris, 1905, p. 249—250).

³⁸ Фори имеет в виду, очевидно, статью Герцена «Еще раз Базаров», напечатанную впервые в «Полярной звезде», на 1869 г., кн. VIII (Герцен АН, т. XX, кн. 1, стр. 335—350).

³⁹ *Cour des miracles* — буквально: «Двор чудес». Так Виктор Гюго назвал скопище уродов, калек и нищих в романе «Собор Парижской богоматери».

⁴⁰ Памятник Пушкину в Москве был открыт не в 1881, а в 1880 г. Тургенев несколько раз выступал во время пушкинских торжеств и 6 июня произнес речь о Пушкине. На следующем заседании ему был поднесен лавровый венок. «Примирение» молодой России с Тургеневым совершилось, собственно, уже в 1879 г.

⁴¹ В комитет по сооружению памятника Флоберу входили крупнейшие французские писатели. Тургенев был избран вице-президентом (президентом являлся Эдмон Гонкур, секретарем Мопассан). После появления в «Русских ведомостях», 27 ноября 1880 г., письма Тургенева к П. Д. Боборыкину с просьбой начать среди русских почитателей Флобера сбор средств на памятник, в русской печати появился целый ряд статей, в которых Тургенев обвинялся в антипатриотизме. Памятник Флоберу работы Шапо был открыт в Руане в 1890 г.

⁴² Письмо Тургенева Толстому было написано в конце июня 1883 г.

⁴³ Еще в 1872 г. Гонкур записал в дневнике слова Тургенева о «Записках охотника»: «Будь я человеком тщеславным, я попросил бы, чтобы на моей могиле написали лишь одно: что моя книга содействовала освобождению крепостных. Да, я не стал бы просить ни о чем другом» (Эдмон и Жюль де Гонкур. Дневник, т. II, стр. 151—152. Запись 2 марта 1872 г.).